

Глава 4

— В нужник, ик! В нужник...

В темноте нетвёрдой, пошатывающейся походкой к отхожему месту брёл высокий, крепко сбитый мужчина, от которого за версту несло перегаром. Праздничный шум давно утих, и теперь в тишине лишь висели в воздухе одинокие алые фонари. Их свет, падая на лицо великана, выхватывал из мрака знакомые черты — это был Чжуан Чэн.

По случаю свадьбы главы крепости он, как и другие братья, преисполнился молодецкой удали и до дна осушил кувшины с вином «Наньпоинь», которое ещё старый глава зарыл, когда Вэй Сяо исполнилось десять. После такого возлияния воин, не помня себя, рухнул спать прямо на сеновале. Проснулся он уже за полночь оттого, что мочевого пузыря подал отчаянный сигнал бедствия. Не обращая внимания ни на что другое, мужчина кое-как выбрался из вороха соломы и поспешил на поиски облегчения.

Свет фонарей слепил глаза, заставляя видеть звёзды. Кое-как отыскав заветную дверь, Чжуан Чэн уже готов был, словно слепая муха, ворваться внутрь, как вдруг воротник его рубахи натянулся — неведомая сила дёрнула его назад.

— Снимай штаны, — раздался за спиной зловещий голос.

Пьяный воин замер. Нужда уже подступала к самому горлу, и от стыда и гнева лицо его побагровело.

— Ты что за извращенец! — взревел он. — Разуи глаза, я, твой дед, — мужик! Ты хоть знаешь, где находишься? Совсем страх потерял, раз пришёл сюда бесчинствовать!

Он сжал ладонь в кулак и наотмашь ударил в сторону наглеца, но хмель замедлил движения. Противник с лёгкостью увернулся, а в следующую секунду мощный удар пришёлся Чжуан Чэну прямо в живот. Он взвыл и, согнувшись в три погибели, рухнул к стене.

— Ах ты, пёс...

Первый боец главы крепости уже было вскинул голову, готовясь снова броситься в бой, но тут же осёкся. Выражение его лица резко сменилось, и он, потупив взор, пробормотал:

— ...богатством не кичись, друзей не забывай... Э-э, глава, а ты что здесь делаешь? Первая брачная ночь, а ты не в опочивальне?

Вэй Сяо смотрел на него сверху вниз, и его и без того мрачное, как у демона, лицо от этих слов искажилось ещё сильнее. Он с шумом выдохнул и, чеканя каждое слово, повторил:

— Снимай штаны!

Чжуан Чэн остолбенел. Узнав предводителя, он решил, что ему просто послышалось с пьяных глаз, но тот настойчиво повторил ту же самую фразу. Изумление на лице воина сменилось недоумением, а затем — потрясением. Он с сомнением несколько раз взглянул на главу, и в его голове мгновенно сложилась целая драма: Вэй Сяо, наконец-то заполучивший прекрасного супруга, в первую брачную ночь, на пороге любовных утех, с ужасом обнаруживает, что на гээр его мужское достоинство не реагирует, и теперь отчаянно ищет способ проверить свою силу.

Он не понимал. Совершенно не понимал. Абсолютно не понимал. Покряхтев с полминуты, великан наконец выдал из себя полный горечи упрёк:

— Глава! Даже если ты... Ох! Нельзя! Я женат уже пять лет! У меня двое детей! Старшему три года, младшей дочке всего пять месяцев. Я не могу предать Мэй-цзе'эр! Пощади меня!

При свете луны лицо Вэй Сяо стало ещё более каменным и мертвенно-бледным.

— Ты что, совсем мозги пропил? — в ярости выпалил он. — Да кому ты нужен! Здоровенный, смуглый, как головня! Урод!

Чжуан Чэну показалось, что в этих словах сквозила какая-то затаённая обида, но главное, что начальник на него не позарился. Его честь была спасена.

— Ну и слава богу... — с облегчением выдохнул он. — Тогда зачем ты велел мне штаны снимать?

Глава крепости словно воды в рот набрал.

Тогда, в комнате, он довёл Дуань Фэньюэ до истерики, но и сам был на грани срыва. Вэй Сяо прорычал, что все мужчины так выглядят, но юноша, всхлипывая, тут же принялся возражать, заявляя, что предводитель врёт. Тот, злясь и теряя терпение, ответил, что гээр и мужчины устроены по-разному.

Супруг от этого лишь громче зарыдал и, заливаясь слезами, запричитал:

— Мне всё равно! Ты просто уродливый... у-у-у...

Вэй Сяо попытался ещё что-то доказать, но Дуань Фэньюэ, не в силах спорить, просто плакал, завывая так, что у мужа раскалывалась голова. Вне себя от гнева, он хлопнул дверью и вылетел прочь. Пройдя уже немалое расстояние, он всё никак не мог успокоиться.

«Неужели оно и вправду такое уродливое? — терзался он. — Я никогда не видел, чтобы гээр

рыдал от подобного! А как оно выглядит у других мужчин?»

Вэй Сяо, хоть и был человеком без особых затей, но привычки подглядывать за другими не имел.

«Нужно найти кого-то из братьев, с кем можно делить одни штаны на двоих, и всё выяснить...»

И тут, словно по заказу, мимо пробежали чьи-то шаги. Он поднял голову и увидел свою жертву.

Вся эта череда унижительных событий пронеслась в мыслях главы, но высказать их он не мог. Да и как такое расскажешь? Что супруг испугался вида его достоинства и разрыдался? Такого позора он не вынесет! Он бросил косой взгляд на этого неотёсанного мужлана. Чжуан Чэн всё ещё смотрел на него с растерянным видом.

— Какие штаны? — раздражённо махнул рукой Вэй Сяо. — Пьяному померещилось! Думаешь, у тебя там золотой слиток, что ли? Кому он нужен! Проваливай!

Видя, что глава не на шутку зол, великан, проявив смекалку, поспешно поднялся на ноги.

— Да-да, ухожу, жена дома ждёт... Ой! А вдруг она меня в такой час уже и в дом не пустит?

Вэй Сяо так и не сомкнул глаз. Он ворвался в комнату Пэй И, который из-за свадьбы остался ночевать в крепости, сунул ему в руки портрет и велел отправляться в Павильон Пьяных Цветов к Шэнь Цюэлину. Нужно было выяснить, кто на самом деле изображён на портрете: внебрачный сын Дуань Юйчэна или же прямой наследник государя-князя. Только сопоставив два ответа, можно было понять, стоит ли верить словам Дуань Фэньюэ.

Второй глава, с трудом разлепив сонные глаза, выслушал всё это, после чего Вэй Сяо схватил его за шиворот и вышвырнул за ворота. Воротник халата Пэй И распахнулся, и ночной ветер заставил его содрогнуться. Юноша поплотнее закутался в одежду и пробормотал:

— Ветер свищет над рекою И, уходит храбрец, чтоб не вернуться...

Вернулся Пэй И лишь на следующий день ближе к полудню. Окутанный облаком женских благовоний, он толкнул дверь и уселся напротив главы крепости. Тот брезгливо сморщил нос.

— Медленно.

Собеседник, ничуть не смутившись, налил себе чашку чая.

— А что я мог поделаться? Ты отправил меня среди ночи. Сам знаешь, что за место этот

Павильон Пьяных Цветов. У них там самый разгар веселья, как я мог заявиться к Шэнь Цюэлину? Пришлось посидеть немного в комнате Сяо Лянь-эр... В общем, неважно. Я всё разузнал.

Он вытащил из-за пазухи портрет, бросил его Вэй Сяо на колени и серьёзно произнёс:

— Тот, кого ты привёз, — не внебрачный сын Дуань Юйчэна, а внук самого государя-князя, законный наследник Дуань Юйчэна — Дуань Фэньюэ.

Свиток развернулся, и взору Вэй Сяо вновь предстал тот самый образ. Юноша в простых белых одеждах, с иссиня-чёрными волосами, преклонил колени на молитвенном коврике. Вьющийся дымок благовоний окутывал его фигуру, он благоговейно сложил руки, и в его прекрасных чертах застыла невыразимая печаль, придававшая облику особую трогательность. Истинный шедевр, который глава рассматривал изо дня в день. Он знал и о красной печати в правом нижнем углу, и о каллиграфической подписи: «Писал Дуань Юйчэн». Торжественно и изысканно.

Вэй Сяо молчал, охваченный смешанными чувствами. Пэй И, обмахиваясь веером, уже строил догадки:

— Этот Дуань Юйчэн, как бы он ни хотел выслужиться перед Жуй-ваном, ни за что не отдал бы своего законного наследника нам. А даже если бы и захотел... он хоть и родной отец Дуань Фэньюэ, но всего лишь зять-примак, чиновник пятого ранга! Посмел бы он так поступить — это всё равно что смерти искать от рук государя-князя. Так что тут либо какая-то случайность, либо за этим кроется хитроумный план. По-моему, тебе лучше вернуть этого драгоценного юношу обратно. Нам такие проблемы не нужны.

Пэй И покачал головой и взглянул на товарища. Но тот по-прежнему молча, поджав губы, не отрывал взгляда от портрета.

«Опять красотой околдован», — с досадой подумал Пэй И и, стукнув его костяшками веера по руке, громко сказал:

— Я с тобой разговариваю, глава!

Только тогда Вэй Сяо очнулся. Он молча и бережно свернул портрет.

— Что ты сказал?

Собеседник сокрушённо вздохнул:

— Я говорю, верни его...

На этот раз Вэй Сяо, не дав ему договорить, твёрдо отрезал:

— Нет!

Лицо Пэй И исказилось.

— Почему нет?

— Потому что нет! — процедил Вэй Сяо сквозь зубы.

Его помощник лишился дара речи. Взгляд главы крепости потемнел, и он холодно усмехнулся:

— Этот Гуань Чжуншань поступил со мной бесчестно, подставил меня. Так почему я не могу под шумок забрать себе супруга? Если что-то пойдёт не так, пусть сам и разбирается!

Уезд Цанлуань, расположенный на границе между государством Великая Лян и государством Сюаньцзе, был хоть и глухим, но стратегически важным местом. Крепость семьи Ли находилась на самой окраине, отделённая от Сюаньцзе лишь горным хребтом. В последнее время на границе было беспокойно, набеги случались всё чаще. Но местная армия сянцизюнь была слаба, а столичный гарнизон скован приказами. Ждать от них помощи было всё равно что пить вино, закусывая хризантемами подле собственных отрубленных голов.

Пять месяцев назад Вэй Сяо, как обычно, со своими людьми отбросил зарвавшихся налётчиков обратно за границу. После славной баталии он с удовольствием вымылся, переоделся и отправился вниз в город, чтобы в одиночестве пропустить стаканчик в таверне. После третьей чарки его охватило странное предчувствие. Что-то было не так не только со временем этого набега, но и... За спиной послышался тяжёлый свист воздуха. Вэй Сяо мгновенно напрягся и, молниеносно метнувшись в сторону, швырнул в нападавшего свой кувшин с вином.

Кувшин столкнулся с сосудом противника, раздался звон разбитой глины, и вино брызнуло во все стороны. Таверна на мгновение замерла, а затем взорвалась криками. Началась паника, и посетители бросились врассыпную. Сквозь этот шум до ушей Вэй Сяо донёсся густой, властный голос:

— Глава, где ты прятал своих людей, когда захватывал пленных?

Вэй Сяо тут же всё понял. Усмехнувшись, он отступил назад, его рука легла на рукоять кинжала, привязанного к бедру.

— Кто ты такой? Зачем притворялся налётчиком и напал на мою крепость?

— Те, что на востоке, — они притворились мёртвыми? — продолжал незнакомец, не обращая

внимания на вопрос.

Он медленно приподнял свою широкополую шляпу, и Вэй Сяо уже решил, что тот покажет лицо, но вместо этого человек внезапно ударил ладонью по столу, оттолкнувшись, бросился на него. Стол за спиной незнакомца разлетелся в щепки. Зрачки Вэй Сяо сузились, и он тут же вступил в схватку. В пылу смертельной борьбы он вдруг заметил, что левое плечо противника движется скованно. Облизнув губы, Вэй Сяо с хищным блеском в глазах сжал кинжал и нанёс удар в уязвимое место.

Тесным его натиском, человек в шляпе оказался в проигрышном положении. Лёгким прыжком он отскочил и, спасаясь бегством, взмыл на крышу. Шёл сильный дождь. Они стояли друг против друга, напряжённые до предела, но никто не решался сделать первый шаг. Вэй Сяо не сводил с противника глаз, выжидая момент для решающего удара, как вдруг его зрачки расширились от изумления: человек иссохшими руками снял шляпу.

Под ней оказалось морщинистое старческое лицо с сурово опущенными уголками губ. Взгляд его мутных глаз, устремлённый на юношу, был на удивление ясным и пронизательным, в нём читалось нескрываемое восхищение.

— Шэнь Цюэлин был прав, ты — не тот, кто будет вечно прозябать в тени.

Шэнь Цюэлин? В голове Вэй Сяо промелькнуло бледное, покорное лицо с вечной улыбкой. Он холодно усмехнулся, и во взгляде его проступила угроза.

— Гуань Чжуншань из армии Чжэньгуань, — старик, казалось, был уверен, что собеседник знает его имя. После короткого представления он сразу перешёл к делу: — Судьба Поднебесной зависит от каждого. Сейчас границам нашего государства Великая Лян угрожает опасность. Ты хоть и живёшь в уединении, но обладаешь выдающимися талантами и мог бы стать великим полководцем. Если ты — спящий тигр, зачем бояться ничтожеств? Отправляйся со мной на границу.

Он не договорил, видимо, собираясь добавить что-то ещё. Вэй Сяо предположил, что речь пойдёт о славе, богатстве и прочих благах, к которым так стремятся обычные люди. Но ему уже стало скучно.

— Гуань Чжуншань? Что за крыса? Не слыхал о таком! — бросил он и повернулся, чтобы уйти.

Генерал от его слов опешил. На его лице промелькнуло удивление, которое тут же сменилось усмешкой.

— ...Ну и наглец! Постой!

Но Вэй Сяо не слушал. Он сделал несколько шагов и уже собирался спрыгнуть с крыши, как

вдруг за спиной раздался громкий, властный голос старика, пробивавшийся сквозь шум дождя:

— Хотя большинство людей в крепости семьи Ли высоки и крепки, с глубоко посаженными глазами, но такая внешность, как у тебя, — редкость.

Эти, казалось бы, обычные слова заставили Вэй Сяо резко обернуться.

— Что ты сказал?! — прорычал он.

Старик спокойно встретил его взгляд. То ли из-за тёмной пелены дождя, то ли по какой-то другой причине, но в почти чёрных, сузившихся зрачках Вэй Сяо проступил едва заметный тёмно-синий оттенок.

— Особенно твои глаза, — невозмутимо продолжал старик. — Другие, может, и не заметят, но я видел слишком много глаз... отчаянных, гневных, полных ненависти, безразличных, обретших покой... и все они без исключения гасли в моих руках.

Пэй И не знал, что произошло в тот день. Знал лишь, что Вэй Сяо вернулся мрачнее тучи, с жетоном, на котором было выгравировано имя «Гуань». Два месяца спустя на стол императора лёг доклад, написанный рукой ветерана двух династий, генерала Гуань Чжуншаня. Этот доклад наделал много шума в столице и в то же время превратил Вэй Сяо во всеобщее посмешище.

Лицо главы крепости было темнее воды. Пэй И потёр лоб.

— Генерал Гуань своей выходкой поднёс тебя к самому огню, — не удержался он от замечания. — Он так отчаянно пытается заставить тебя отправиться на границу и принять командование, что ему совершенно наплевать на твою жизнь.

— Ха, — Вэй Сяо оперся о стол и холодно усмехнулся. — Ему не наплевать на мою жизнь, он слишком о ней печётся. Тот слабак не может защитить меня, вот старик и решил найти мне «мачеху»!

Пэй И на мгновение замер, а затем, поразмыслив, понял, что имел в виду глава. Нынешний император был стар, и хотя на людях его сыновья вели себя дружно, втайне они уже боролись за престол. Третий принц был калекой и не мог претендовать на трон, восьмой, хоть и блистал талантами, был ещё слишком юн. Весь двор разделился на две партии, во главе которых стояли наследный принц и пятый принц, Жуй-ван.

Говорили, что в своём докладе Гуань Чжуншань использовал дерзкие и высокопарные выражения, превознося Вэй Сяо до небес, едва ли не тыча пальцем в императора с требованием немедленно отправить за ним послов. Такое безрассудное послание всё же было представлено двору, а это означало, что старик добивался вовсе не расположения императора.

И действительно, вместо трёх поклонов и шести приглашений Вэй Сяо дождался лишь новостей о проведении в столице военных экзаменов и... супруга, присланного Жуй-ваном. По словам Шэнь Цюэлиня, были и другие письма с предложениями от прочих принцев, но в итоге до главы дошли лишь тёплые слова от Жуй-вана. Тот, будучи принцем крови, писал с показной заботой, но суть сводилась к одному: «Примите сей скромный дар в знак моего расположения».

Принц, казалось, твёрдо решил заполучить Вэй Сяо в свои ряды. На это Шэнь Цюэлинь с улыбкой заметил:

— Он человек хитрый и дальновидный. Если посмотреть на весь двор, то звания полководца достойны лишь генерал и ты. Он просто решил нанести удар первым.

Эти слова заставили Вэй Сяо усомниться. Он спросил, почему Жуй-ван так легко доверился человеку, которого рекомендовал Гуань Чжуншань, неужели он не боялся обмана? Шэнь Цюэлинь лишь усмехнулся с лёгкой долей презрения:

— Генерал — образец преданности, он всю жизнь провёл в сражениях. Все знают, что он служит лишь государству. Не только Жуй-ван — весь двор не заподозрит генерала в нечестной игре.

Если бы Гуань Чжуншань замышлял захват власти, он бы сделал свою ставку ещё в молодости. К тому же, император фактически превратил старика в послушное орудие, лишённое реальной власти. Но тот не выказал ни малейшего недовольства, и его преданность стране была очевидна. Поэтому Жуй-ван и представить не мог, что его обвели вокруг пальца.

Вэй Сяо принял предложение Жуй-вана с показной неохотой, и не прошло и десяти дней, как тот прислал портрет. Пэй И, держа в руках свиток, смеялся до слёз.

— Вечно ты твердил, что твоя главная мечта — жениться на гээр и завести ребёнка. Вот и договорился, слухи до ушей Жуй-вана дошли!

Он долго не мог унять, а стоявший рядом Вэй Сяо молчал. Пэй И, удивлённый, поднял глаза и увидел, что обычно решительный и суровый глава крепости застыл, не отрывая взгляда от портрета, словно душа покинула его тело.

Один взгляд — и пропал на всю жизнь.

Второй глава подивился причудам судьбы. Видя, что Вэй Сяо всё ещё не выпускает портрет из рук, он кашлянул и, хитро прищурившись, спросил:

— Раз ты так упорно хочешь оставить его здесь, значит, прошлая ночь была восхитительной?

При этих словах лицо Вэй Сяо окаменело.

— ...

— Эх, — Пэй И с щелчком раскрыл веер, многозначительно наклонился вперёд и, прикрыв лицо, прошептал: — Я тут по дороге кое-что слышал.

— Что именно? — нахмурился Вэй Сяо.

Юноша говорил почти шёпотом:

— Слышал, что ты прошлой ночью с Чжуан Чэном... Ты ведь не из тех, кто любит «отрезанные рукава»?

В государстве Великая Лян «отрезанный рукав» означал союз двух мужчин, не гээр, а именно мужчин, ставших парой «диких уток-мандаринок».

— ...

Кровь бросилась Вэй Сяо в голову.

— Сам ты такой!

— Ну уж нет, — невозмутимо ответил Пэй И, складывая веер и выпрямляясь. — Думаю, и ты не такой, иначе давно бы уже согласился на предложение Шэнь Цюэлиня.

При упоминании этого имени лицо главы исказила гримаса, словно он вспомнил что-то неприятное.

— Я же говорил тебе, он не из таких. Он тогда специально это сказал, чтобы донести Гуань Чжуншаню.

— Не факт, — тут же возразил Пэй И. — Почему обязательно «специально»? А если он решил убить двух зайцев одним выстрелом? И твои тайны выведать, и своё сердце тебе предложить... Хотя теперь, конечно, неизвестно, предлагает ли он его до сих пор.

Не дожидаясь ответа, он снова таинственно раскрыл веер, придвинулся ближе и прошептал собеседнику на ухо:

— ...Я вчера ночью пришёл в Павильон Пьяных Цветов, спросил у слуги, где Шэнь Цюэлин. Тот сказал, что в своей комнате. Я направился напрямик туда, и знаешь, что я услышал?

Даже Вэй Сяо, который обычно не лез в чужие дела, заинтересовался.

— Что?

— Я отчётливо услышал два сплетающихся вздоха и томный, с ноткой упрёка, голос Шэнь Цюэлиня: «Полегче, я ведь не гээр, не выдержу такого напора». Я так испугался, что тут же сбежал. Когда я пришёл снова, Шэнь Цюэлин, кажется, только что из ванны вышел, волосы мокрые были, и в комнату он меня не пустил. Как думаешь, тот, с кем он там был, — не из наших знакомых?

Вэй Сяо цыкнул языком. Обсуждать чужие постельные дела было, по его мнению, недостойно. Если бы он вёл себя так же, Дуань Фэньюэ наверняка обозвал бы его бесстыжим негодяем.

Только он об этом подумал, как за дверью послышались торопливые шаги. В комнату ворвалась Хэ Шэнь.

— Глава! — задыхаясь, выпалила она. — С госпожой беда!

<http://bllate.org/book/15963/1663359>